

(Фрагмент)

— Как же это, егерь Грах, ты плывешь в этом старом челне уже не один век?

— Уже пятнадцать веков.

— И все время на этом корабле?

— Все время на этой барке. Барка, по-моему, правильное название. Ты не разбираешься в корабельном деле?

— Нет, я не интересовался им до сегодняшнего дня, до тех пор, пока не узнал о тебе, до тех пор, пока не вошел на этот корабль.

— Не надо извинений. Я ведь тоже из сухопутной страны. Моряком не был и не хотел становиться, дружил с горами и лесами, а теперь вот — старейший моряк; егерь Грах — покровитель матросов, егерь Грах — святой, которому в штормовую ночь молится, ломая руки, корабельный юнга, дрожащий от страха в «вороньем гнезде». Не смейся.

— Это я-то смеюсь? Нет, воистину нет. С бьющимся сердцем стоял я у двери твоей каюты, с бьющимся сердцем вошел в нее. Твоя дружелюбная суть меня немного успокоила, но я ни на миг не забываю, у кого я в гостях.

— Разумеется, ты прав. Но как бы там ни было, я — егерь Грах. Вина выпить хочешь? Сорта я не знаю, но оно сладкое и крепкое, патрон хорошо меня снабжает.

— Благодарю, не сейчас, я слишком беспокоен. Может быть, попозднее, если ты захочешь так долго терпеть меня здесь. К тому же я не решаюсь пить из твоего стакана. Кто твой патрон?

— Владелец барки. Эти патроны, вообще-то, отличные люди. Я, правда, их не понимаю. Я не язык их имею в виду, хотя, естественно, их язык я тоже часто не понимаю. Но это только к слову. Языки в течение этих веков я достаточно изучил и мог бы быть толмачом между предками и нынешними. Но я не понимаю хода мысли патронов. Может быть, ты сумеешь мне его объяснить.

— Больших надежд на это у меня нет. Как я могу что-то тебе объяснить, когда я в сравнении с тобой — едва лепечущий ребенок.

— А вот этого не надо, раз и навсегда — не надо. Ты сделаешь мне одолжение, если будешь держаться немного мужественнее, немного увереннее в себе. На что мне тень вместо гостя? — я дуну, и она вылетит через этот люк в море. Но если ты трясешься тут за моим столом и забываешь из-за своих иллюзий то небольшое, что знаешь, то можешь сразу убираться. Я говорю то, что я думаю.

— В этом есть своя правда. Я действительно кое в чем выше тебя. Так что я постараюсь взять себя в руки. Спрашивай!

— Уже лучше, намного лучше, но ты заходишь в этом направлении слишком далеко, воображая, что у тебя есть надо мной какое-то превосходство. Ты только должен правильно меня понять. Я такой же человек, как и ты, но нетерпеливее тебя на те несколько веков, на которые я тебя старше. Итак, мы собирались говорить о патронах. Будь внимателен! И выпей вина, будешь лучше соображать. Не стесняйся. Крепкое. На этой посудине его еще много.

— Грах, это превосходное вино. Твой патрон должен хорошо жить.

— К сожалению, он сегодня умер. Он был добрый человек, и он отошел с миром. Взрослые удачные дети стояли у его смертного одра, у ног его в беспамятстве лежала жена, но последняя его мысль была обо мне. Добрый человек. В Гамбурге жил.

— О господи, в Гамбурге, а ты здесь, на юге, знаешь, что он сегодня умер?

— Что? Я не должен знать, когда умирает мой патрон? Ты все-таки на редкость ограниченный.

— Ты хочешь меня обидеть?

— Нет, совсем нет, это вышло самой собой. Но ты должен поменьше удивляться и пить больше вина. А с патроном дело обстоит так: эта барка изначально вообще никому человеку не принадлежала.

— Гракх, одна просьба. Расскажи мне сначала кратко, но связно твою историю. Потому что, если честно признаться, я ее не знаю. Для тебя все это, естественно, само собой разумеющиеся вещи, и ты, по своей привычке, предполагаешь, что они известны всему миру. Но в короткой человеческой жизни — потому что в действительности жизнь коротка, Гракх, постарайся это как-то понять, — в этой короткой жизни у тебя полон рот забот, чтобы выйти в люди самому и поставить на ноги детей. И как ни интересен егерь Гракх — а я в этом убежден, и это не попытка польстить, — у тебя нет времени думать о нем, разузнавать о нем или тем более как-то о нем беспокоиться. Разве что, может быть, на смертном одре, как твой человек из Гамбурга, — чего не знаю, того не знаю. Может быть, там у хлопотливого человека в первый раз есть время полежать, растянувшись, и тогда сквозь праздные мысли вдруг да и пробьется зеленый егерь Гракх. А пока я, как уже сказано, ничего о тебе не знаю; в гавань я попал по делам, увидел эту барку, сходни были переброшены, и я взошел по ним, но теперь я с удовольствием услышал бы о тебе какой-нибудь связный рассказ.

— Ах, тебе связи нужно. Одна и та же старая история. Все книги полны этим, во всех школах учителя рисуют это на доске, мать грезит этим, пока ребенок сосет ее грудь, об этом шепчутся, обнимаясь; торговцы говорят это покупателям, покупатели — торговцам, солдаты поют об этом на марше, священник провозглашает это в церкви, историки, сидя с раскрытыми ртами в своих кабинетах, всматриваются в давно минувшее и непрерывно это описывают; это печатается в газетах, и их передают из рук в руки; телеграф изобрели, чтобы это быстрее облетало землю; это раскапывают в засыпанных городах, и лифт мчит это на крышу небоскреба. Железнодорожные пассажиры кричат об этом из окон в тех краях, через которые проезжают, но, опережая их, это несется им навстречу с воем диких зверей; это можно прочесть по звездам, и отражения этого несут моря; это спускается ручьями с гор, и снег снова взметает это на вершины; и ты, человек, сидишь здесь и спрашиваешь меня о связи. Должно быть, ты провел изысканно-беспутную юность.

— Возможно, хотя всякая юность своеобразна. Но тебе, я думаю, очень бы не помешало, если бы ты смог когда-нибудь немножко осмотреться в этом мире. Каким бы смешным тебе это ни показалось — я сам здесь почти удивляюсь этому, — но тем не менее это так: ты — не предмет городских разговоров, там говорят о чем угодно, но не о тебе; мир идет своим путем, и ты плывешь своим маршрутом, но никогда до сего дня я не замечал, чтобы они пересекались.

— Это только твои наблюдения, мой милый, другие наблюдают другое. Тут есть всего две возможности. Либо ты скрываешь, что знаешь обо мне, имея при этом какой-то определенный умысел, и в этом случае я тебе совершенно откровенно скажу: ты промахнешься. Либо ты и в самом деле полагаешь, что не можешь обо мне вспомнить, потому что спутал мою историю с какой-то другой. И в этом случае я скажу тебе только одно: я... нет, я не могу. Это знает каждый — и именно я должен тебе это рассказывать! Это такая старая история. Обратись к историкам! Сходи к ним и потом приходи снова. Это такая старая история — как я могу сохранять ее в этом переполненном мозгу?

— Погоди, Гракх, я помогу тебе вспомнить, я буду задавать тебе вопросы. Откуда ты родом?

— Из Шварцвальда, это всем известно.

— Разумеется, из Шварцвальда. И, значит, ты там охотился примерно в четвертом веке?

— Парень, ты знаешь Шварцвальд?

— Нет.

— Ты и в самом деле вообще ничего не знаешь. Маленький ребенок рулевого знает больше, чем ты, и, скорее всего, намного больше. Кто тебя только сюда загнал? Это какой-то рок. Твоя навязчивая скромность была действительно более чем оправданна. Ты — пустота, которую я наполняю вином... Значит, ты не знаешь даже Шварцвальда. А я там родился. И до двадцати пяти лет охотился там. И если бы не увлекся погоней за этой серной... да, ну, это ты знаешь, я прожил бы долгую и славную жизнь егеря, но серна увлекла меня, я сорвался и разбился насмерть о камни. Довольно вопросов. Вот я здесь — и я мертв, мертв, мертв! Не знаю, почему я здесь. Был

погружен тогда на челн смерти — жалкий мертвец, которому там и место, — надо мной произвели пару-тройку манипуляций, как над каждым, — с чего для егеря Гракха делать какие-то исключения? — все было как положено, я лежал, протянувшись, в челне.